

УДК 821.161.1-1

Я.В. Галаган**АХМАТОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ
М.Д. РАХЛИНОЙ**

Проблема влияния классической традиции на литературу XX века и отдельных поэтов-классиков на творчество их последователей остается одной из актуальных проблем отечественного литературоведения. Анализу различных ее аспектов на конкретном литературном материале посвящены диссертации А.Э. Скворцова «Рецепция и трансформация поэтической традиции в творчестве О. Чухонцева, А. Цветкова и С. Гандлевского» [19], В.В. Выдриной «А.С. Пушкин в творческом сознании Б.Ш. Окуджавы (Романы «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом»)» [3], А.С. Саяпиной «Традиции русской романтической лирики XIX века в поэзии Н.С. Гумилева» [17], А.Ю. Полторацкой «Поэзия И.А. Бродского и русская балладная традиция» [9] и ряд других работ. По справедливому замечанию Д.П. Якубовича, «Влияние становится фактором литературной преемственности, эволюции. Из форм пассивного усвоения и ученичества оно переходит в формы стимула и самостоятельного творчества» [21].

Характеризуя творчество харьковской поэтессы М.Д. Рахлиной, мы уже отмечали, что становление ее творческой манеры происходило под сильным влиянием классической русской литературы. [7]. В ранний период это влияние нашло отражение в бессознательном подражании тем, кого поэтесса считала своими учителями и наставниками. Позже, в пору личностной и творческой зрелости М.Д. Рахлина, выработав способность оперировать «чужим» словом, формирует свой индивидуальный стиль и особый «почерк» поэта. Среди поэтов-предшественников, оказавших активное влияние на формирование ее художественной манеры, сама М.Д. Рахлина выделяла А.А. Ахматову, на что неоднократно указывала как прямо, так и

косвенно. Так, она пишет в мемуарах: «Я открываю для себя, что столь излюбленные в школе Симонов и Алигер вовсе не вершина, что есть Пастернак и Ахматова, навсегда мною полюбленные...» [18, с. 42]. Вместе с тем до настоящего времени вопрос о влиянии творчества А.А. Ахматовой на поэзию М.Д. Рахлиной не рассматривался литературоведами даже в самом общем виде.

Цель нашей статьи – показать влияние творчества А.А. Ахматовой на поэзию М.Д. Рахлиной и охарактеризовать особенности воплощения ахматовской традиции в ее творчестве.

Лирика Ахматовой занимает особое место в творческом сознании М.Д. Рахлиной еще в годы учебы на филфаке Харьковского государственного университета. Объяснение этому можно найти в указании Л.Я. Гинзбург на то, что именно Ахматова впервые изобразила современную женщину «в конкретности своего бытия и своего душевного опыта» [4, с. 319].

Близость Рахлиной к Ахматовой и вместе с тем оригинальность ее творческой манеры в первую очередь проявляются там, где Рахлина разрабатывает характерный для творчества своей поэтической предшественницы и старшей современницы мотив неразделенной любви. Попытаемся доказать это утверждение, обратившись к стихотворениям М.Д. Рахлиной 40-х годов, которые были включены в первый раздел книги «Потерявшиеся стихи» (1996). Душевное состояние лирической героини ранних стихотворений Рахлиной совпадает с состоянием героини ахматовских стихов. Система образов и настроения, характерные для ее поэзии этого периода отражают напряженную «любовную» коллизию 1944–1948 гг., связанную с двумя адресатами – Борисом Чичибабиным и Юлием Даниэлем.

Известно, что лирику Ахматовой называли дневниковой [20, с. 87]. Рахлина также старается передать женскую психологию, тонкие движения женской души в своих небольших, как странички из дневника, лирических текстах. Обратимся к циклу «Поединок», который подписан: «Дневник 1947–48 гг.», что, на наш взгляд, подтверждает установку на прочтение цикла, а вместе с ним и всего последующего творчества Рахлиной как открытого лирического

дневника. Показательными в этом отношении являются названия вошедших в цикл стихотворений: «Оттепель», «Ночлег», «Льжи», «Кровь», «Кто?», «Опомянаясь...», «Путаница», «Победа», «Ничего не было», «Раскаянье», «Поединок», «Прощай», «Довольно!», «Душа одна...», в которых фиксируются различные этапы непростых взаимоотношений лирической героини и героя. Таким образом, стихотворения воспринимаются читателем как оборванные дневниковые записи, странички дневника. Яркая черта идиостиля поэтессы – биографичность – подчеркнута точностью датировок текстов цикла, что помогает проследить хронологию событий: февраль, апрель, март, 8 мая, 2 июля 1947 года, июнь 1947 года, июнь 1948 года, осень 1948 года. Появление этого цикла биографически связано с тем, что на втором курсе филфака происходит встреча Рахлиной с Юлием Даниэлем. Название цикла указывает на внутренний конфликт, которому подчинено и смысловое развертывание: зарождение любовного чувства, его динамика и связанная с ней сложная гамма переживаний – от радости до печали, противостояние, мучительный разрыв и оценка происходящего. Не случайно стихотворениям, составившим цикл «Поединок», присуще большое внутреннее напряжение: в них воплотилась борьба чувств, противостояние героини и героя, любовное разочарование, разрыв и трагизм одинокой души в заключительном стихотворении. Для Рахлиной, как и для ее великой предшественницы, характерна установка на максимальную искренность. Но в отличие от сдержанной, уравновешенной, даже «закрытой», «камерной» ахматовской поэзии, поэзия Рахлиной более исповедальна, цикл «Поединок» фиксирует все этапы развития любовного чувства лирической героини, а по сути самой поэтессы, как если бы она была его сторонним исследователем, элементы размышления, психологического анализа личной жизни.

Тон всему циклу задает его название. Противоречивость любовных чувств лирической героини передана в одноименном стихотворении – «Поединок» – через использование оксюморона: «Лицо к лицу и грудь – к груди. / Живу ли – не пойму. / Мой враг любимый! Погоди... / Не-быть-по-тво-е-му!...» [15, с. 42].

Контраст обозначен уже в первой строфе: ясно, что враг не может быть любимым. Использование оксюморона делает образ более ярким, драматичным, точнее передает внутреннее состояние героини. Здесь уместно вспомнить ахматовское «О, как ты *красив, проклятый!*» [1: том 1, с. 115]. Л.Я. Гинзбург справедливо полагала, что «В острых оксюморонах Ахматовой – кратчайшее лирическое выражение диалектики души» [4, с. 319], в них скрыта внутренняя противоречивость любовного чувства.

В цикле Рахлиной мы выделили два динамично развивающихся мотива – смятения и противостояния. Мотив смятения передается через описание противоречивых чувств героини: любовь и обида; ощущение собственной женской слабости и внутреннего достоинства, желание сохранить свою гордость; истощение физических сил и стремление к душевному покою. Мотив противостояния построен на антитезе: противопоставлены он и она, она и толпа, любовь и муки совести, страстное желание любить и отвергнутость, отчаянье и надежда...

Владислав Ходасевич в рецензии на книгу «Четки» подметил, что стихи Ахматовой «немногоречивы, в них поэтесса сознательно умалчивает о многом – и едва ли не это составляет их главную прелесть» [2 с. 384]. Некоторым ранним стихотворениям Рахлиной также свойственна намеренная незавершенность. Поэтесса активно использует такие стилистические фигуры, как обрыв и умолчание, что пунктуационно выражено многоточием в начале, внутри или в конце предложения. В результате чего текст стихотворения приобретает многозначность, недосказанность, фрагментарность. Создается некий метатекст, в рамках которого отдельные стихотворения превращаются в странички дневника: «...Какая кровь стучит в моих ушах, / мутит глаза, и мечется, и мучит: / чуть ветерок, один неверный шаг – / и нет тебя на свете. Так-то лучше («Кровь») [15 с. 36]; «Теперь оно сошло с ума: / стучит – и лезет на рожон. / ...Кто здесь прощался? Я сама?.. / Здесь кто-то был, совсем чужой, / у ног... у губ... и на груди! / Чего он хочет или ждет? / А если скажешь: «Уходи», – / так он, пожалуй, не уйдет...» («Кто?») [15 с. 37].

В последнем процитированном стихотворении переживания героини изображены в момент кризиса. Здесь и смятение, и растерянность, и душевная борьба. У Ахматовой чувства лирической героини, как правило, выражены более «закрыто»: «Круг от лампы желтой... / Шорохам внимаю. / Отчего ушел ты? / Я не понимаю...» [1: том 1, с. 53].

Объединяет Ахматову и Рахлину и стремление к прозаизации стиха, использованию конструкций разговорной речи:

...Чей это стук? О погодите!

(Одна дорога – за окно).

«Ах, Вы? Я не ждала. Войдите!» («Путаница») [15, с. 38].

(У Ахматовой: «Задыхаясь, я крикнула: «Шутка / Все, что было. Уйдешь, я умру!» [1: том 1, с. 44]).

Следует отметить, что от Ахматовой Рахлина восприняла и такой характерный прием, как использование подытоживающих концовок, резюмирующих, «закрывающих» эмоциональные переживания лирической героини. Со временем он становится константным художественным принципом, характерным для лирики Рахлиной на всех этапах ее творческого пути: «Страшен сон мой, да милостив Бог!» («Снилось мне, что, тиха и грустна...») [15, с. 19], «И останутся Слова!» («Что останется?») [11, с. 68], «Мы победили, а не они!» («Вранье! Мы все же победим!...») [11, с. 77], «Страшусь двух слов: «всегда» и «никогда» («Страшусь двух слов: «всегда» и «никогда»...») [13, с. 52], «Ах, стыдно! Сердце рвется от стыда, / и не отмыться больше никогда!» («Что ж делать нам, кто это пережили?») [11, с. 15], «Не верь, не проси и не бойся!» – / Я так и доныне живу» («Не верь, не бойся, не проси!») [11, с. 24], «А ларчик просто – открывался, / Не мог закрытым жить!» («А ларчик просто – открывался...») [13, с. 77] «Мир над тобою, свет мой, песенка! / Мир над тобою, Доброта!» («Сентиментальные стихи») [13, с. 32].

О. Приймачок в статье «Средства повторной номинации в лирике Анны Ахматовой» обращает внимание на то, что «наборы однокоренных, синонимичных, антонимичных, паронимичных, тематически близких и дейктических слов акцентируют внимание на

определенном смысле, подчеркивают нечто важное, минуя дословный повтор» [10, с. 240]. Несложно заметить, что в творчестве Рахлиной активно представлены различные виды повтора, имеющие как композиционное, так и стилистическое значение. Известную близость к ахматовской стилистике можно усмотреть и в использовании Рахлиной приема редупликации (двукратного или многократного контактного повторения слова, словосочетания или предложения, являющегося, как в разговорной речи, средством эмоционально-логического усиления, настоятельного подчеркивания высказанной мысли): «...Что в моей жизни было, / как посмотрю назад! / *Милый мой! Милый! Милый!* / Где же твои глаза?» («Опоминаясь...») [15, с. 38]. (У Ахматовой: «*Но не хочу, не хочу, не хочу* / Знать, как целуют другую» [1: том 1, с. 79]; «Если б ты, Алиса, знала, / Как мне *скучно, скучно* жить» [1: том 1, с. 46]).

Этот прием также становится у Рахлиной постоянным, характерным для ее поэзии на всех этапах творческого пути: «*Слова, слова, слова...* да где они, да что они?» («Слова, слова, слова...») [16, с. 9], «Говори, о родная невежда, / о затеплившаяся до зари, / о последняя наша надежда! / *Говори! Говори! Говори!*» («В этот час») [11, с. 20], «*Я устала, я устала, / Я желаю быть одна!*» («Улетают») [11, с. 29], «*Так откуда, и откуда, / и откуда* к нам придет / наш былой, веселый, мудрый / и великий наш народ?» («Это преступно, окаянно...») [16, с. 32], «*и не знать, и не знать, и не знать*, и про знание – не знать, / *и не думать, не думать, не думать, не думать* – про думы» («Все о чем-то, о чем-то...») [13, с. 98]. Примеры подобного рода активно представлены как в ранних, так и поздних произведениях Рахлиной.

Особым стилистическим приемом является тавтологический повтор, заключающийся в повторении однокоренных или близких по значению слов. У Ахматовой, например: «Оба мы в страну обманную / Забрели и горько каемся. / Но зачем *улыбкой* странную / И застывшей *улыбаемся?*» [1: том 1, с. 70]. Рахлина данный прием использует значительно реже, но все же мастерски: «И *горечь – горше, сладость – слаже*, / А жизнь – короче *день от дня*» [12, с. 68], «Я *вернулась. Воротилась* / Было ясно: *ворочусь...*» [11, с. 28].

Уже первые критики и исследователи творчества Ахматовой, а за ними и следующие поколения ученых отмечали ее обращение «к повседневным словам и выражениям и через их посредство к простым человеческим чувствам и бытовым реалиям» [5]. Подобное стремление к словесной простоте и изображению реалий повседневного быта является одной из важных особенностей поэзии Рахлиной: «На сером снеге – черный грач, / так значит, каяться не будем?» («На сером снеге – черный грач...») [14, с. 82], «Как роза Сент-Экзюпери – двумя шипами, / так я от жизни заслонюсь – двумя стихами...» («Как роза Сент-Экзюпери...») [11, с. 63], «Закипающее молоко / на сугробах – и некуда деться... / Кто ж сказал, что должно быть легко / на душе у меня, словно в детстве?» («Снег скрипит под ногами у нас...») [14, с. 6]. Следует отметить, что в лирике Рахлиной это не раздражительный прием, а глубоко осознанный и органичный художественный принцип, характерный для творчества зрелого поэта.

Л.Г. Кихней и Т.С. Круглова в статье «К проблеме диалога в лирике», отмечая диалоговую природу ахматовской поэзии, охарактеризовали методологические принципы ее изучения, восходящие к теории М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана: «... для многих ахматовских стихотворений характерна установка на диалог с адресатом, стоящим вне пространства произведения... Этот адресат – потенциальный собеседник, слушатель, может быть конкретной личностью, неким существом или отвлеченным понятием» [6, с. 114]. Это важно принять во внимание и при анализе лирики Рахлиной. Синтаксис ее стихотворений – это синтаксис «убежденного собеседника» [8: т. 2, с. 145], для которого характерна диалоговая основа, наличие адресата, который, как и у Ахматовой, может быть представлен не только конкретной личностью, но и природной стихией, отвлеченным понятием и т. п. Использование вопросительных и побудительных предложений в начале стихотворения является показателем авторской установки на диалог: «Ну что, брат Пушкин?..», «Стучи!», «Где ты прячешься, Судьба?», «Приходите – поскучаем!», «О чем ты, ветер, поешь с горы?», «Вам скучно? – Ну, с чего Вы это взяли...», «Как отдать?» и т. п. Показательно в этом отношении заключительное стихотворение

последнего сборника Рахлиной «Прозрачные слова», датированное августом 2006 года, – «Нельзя!». Композиционно оно четко делится на две части: первое шестистишие представляет диалог поэтессы с Богом, второе – с читателями, которым она дает наставление: «когда вам трудно и когда вам больно, / когда вам кажется, что с вас довольно – / вы знайте: спрашивать Его нельзя!» [16, с. 123]. Адресация стихотворения читателю как воображаемому собеседнику позволяет поэтессе установить его активное взаимодействие с текстом, с лирической героиней и автором.

Мы уже отмечали, что наиболее активное влияние творчества Ахматовой на поэзию Рахлиной прослеживается в ранний период ее творчества, вплоть до 1950 года, когда подражание было для молодой поэтессы, только искавшей свой стиль, свой «почерк», важной отправной точкой. Ученическое стихотворение «Воскресить бы славные останки...» (1944), являющееся наиболее характерным примером взаимодействия юной поэтессы с художественным миром Ахматовой, послужило поводом для обвинений студентки Рахлиной в «ахматовщине». Соизмеряя свою жизнь с жизнью Ахматовой, поэтесса постепенно, шаг за шагом приходит к твердой убежденности в высокой миссии служения своим искусством людям. «Зовет, зовет нас вдаль огонь, / мой жребий избран и испытан» [15, с. 48], – так заканчивает она «Второй отрывок» из поэмы «Отцы и дети» (1956), а вместе с ним и первый раздел книги юношеских стихов. Нам представляется, что уже в этих строках заложена мысль об истинном служении Родине. Лирическая героиня Рахлиной говорит от имени людей, чьи судьбы были исковерканы в годы советской власти: «Мы ровесники вычурным, / сумасшедшим событиям, / ничего нам не вычеркнуть, / ничего не забыть нам» («Первый отрывок» из поэмы «Отцы и дети») [15, с. 46-47]. Авторское понимание судьбы истинного поэта сходно с позицией Ахматовой, отразившей в своих произведениях чувства «стомиллионного народа» – свидетеля военного коммунизма: трагедию террора, разрушенный быт, лицемерие, разбитые судьбы, утраты, смерть... Подобная позиция нашла отражение в стихотворении Рахлиной «Читая записки отца, прокомментированные

братом, в журнале «Карта» № 45-46»: «Тружусь над прошлым я, иду походом / над памятью убитых в той войне, / которая велась с моим народом, / в моей несчастной проклятой стране» [16, с. 34].

Показательно, что ценностные доминанты ахматовской поэзии можно обнаружить в произведениях Рахлиной «о самом главном» – о Слове и судьбе поэта, о России, о любви, о жизни и смерти, о памяти – на протяжении всего творческого пути. Таким образом, есть основания говорить об общности поэтического мира Рахлиной ахматовскому, что нагляднее всего выявляется при анализе ведущих тем и мотивов творчества харьковской поэтессы, а также ее ценностных приоритетов и мировоззренческих позиций.

В рамках данной статьи мы не стремились дать исчерпывающую характеристику ахматовских традиций в поэзии Рахлиной и ограничили свое внимание произведениями раннего периода. В то же время анализ даже этого круга произведений позволяет сделать вывод о близости поэтического творчества ранней Рахлиной ахматовской традиции, что проявляется на разных уровнях поэтической системы. Так, немало общего можно обнаружить в ценностных приоритетах и мировоззренческих позициях обоих авторов, в размышлениях Рахлиной и Ахматовой о назначении поэтического творчества и судьбе истинного поэта. Как у Ахматовой, так и у Рахлиной особое место в лирике занимает мотив неразделенной любви. Известную близость к ахматовской стилистике можно усмотреть в использовании Рахлиной приемов редупликации, тавтологического повтора, намеренной незавершенности, подытоживающих концовок, синтаксиса «убежденного собеседника». Для поэтической системы харьковской поэтессы вслед за Ахматовой характерны установка на максимальную искренность, дневниковость, изображение реалий повседневного быта, стремление к прозаизации стиха.

Бесспорно, проблема ахматовской традиции в творчестве Рахлиной многоаспектна. Кроме прочего она включает в себя выявление общих мотивов, образов, сюжетов и может быть предметом отдельного исследования. Но даже такой беглый взгляд на нее позволяет говорить о том важном влиянии, которое оказала ахматовская

традиция на формирование ведущих тем и мотивов поэзии Рахлиной и ее художественного стиля в ранний период творчества вплоть до 1950 года.

Литература

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. [Сост., подгот. текста, коммент., ст. Н.В. Королевой] / А.А. Ахматова. – М.: Эллис Лак, 1998–2005.
  - Т. 1: Стихотворения 1904–1941. – 1998. – 968 с.
  - Т. 2. Кн. 1: Стихотворения 1941–1959. – 1999. – 640 с.
2. Ахматова А.А. «Узнают голос мой.»: Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта / А.А. Ахматова; [сост. Н.Н. Глен, Л.А. Озеров; вступ. ст. Л.А. Озерова; краткая биохроника М.Н. Баженова]. – 2-е изд., с измен. и доп. – М.: Педагогика-Пресс, 1995. – 544 с.
3. Выдрина В.В. А.С. Пушкин в творческом сознании Б.Ш. Окуджавы (Романы «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом»); автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / В.В. Выдрина – Томск, 2010. – 31 с.
4. Гинзбург Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – М.: Интрада, 1997. – 408 с.
5. Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой [Электронный ресурс] / В.М. Жирмунский. // Режим доступа : http://www.akhmatova.org/bio/vzh_07.htm.
6. Кихней Л.Г. К проблеме диалога в лирике Анны Ахматовой. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество / Л.Г. Кихней, Т.С. Круглова // Крымский Ахматовский научный сборник [сост. и науч. ред. Г.М. Темненко]. Вып. 7. – Симферополь: Крымский архив, 2009. – С. 113-133.
7. Козлова А. Г., Галаган Я. В. Пушкинская традиция в творчестве М.Д. Рахлиной / А.Г. Козлова, Я.В. Галаган // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. – Харьков, 2012. – № 4 (48). – С. 89-93.
8. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 томах / О.Э. Мандельштам. – М.: Прогресс-Плеяда, 2011. – Т.2: Проза. – 2011. – 760 с.
9. Полторацкая А.Ю. Поэзия И.А. Бродского и русская балладная традиция: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / А.Ю. Полторацкая. – М., 2006. – 24 с.
10. Приймачок О. Средства повторной номинации в лирике Анны Ахматовой / О. Приймачок // Типологія та функції мовних одиниць: наук.

- журн. Східноєвроп. нац. ун-ту ім. Лесі Українки. – Луцьк. – 2014. – № 1. – С. 240-250.
11. Рахлина М.Д. Другу в поколеньє / М.Д. Рахлина. – М.: Весть-ВИМО, 1994. – 111 с.
  12. Рахлина М.Д. Маятник / М.Д. Рахлина. – Х.: Прапор, 1968. – 75 с.
  13. Рахлина М.Д. Надежда сильнее меня / М.Д. Рахлина. – Х.: Прометей, 1990. – 135 с.
  14. Рахлина М.Д. Октябрь, на июль похожий: [Поэзия] / М.Д. Рахлина. – Х.: Фолио, 2000. – 128 с.
  15. Рахлина М.Д. Потерявшиеся стихи / М.Д. Рахлина. – Х.: Фолио, 1996. – 177 с.
  16. Рахлина М.Д. Прозрачные слова / М.Д. Рахлина. – Х.: Права людини, 2008. – 124 с.
  17. Рахлина М.Д. Что было – видали... / М.Д. Рахлина. – Х.: Права людини, 2006. – 124 с.
  18. Скворцов А.Э. Рецепция и трансформация поэтической традиции в творчестве О. Чухонцева, А. Цветкова и С. Гандлевского: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / А.Э. Скворцов. – Казань, 2011. – 30 с.
  19. Чаплыгина Т.Л. Лирика Арсения Тарковского в контексте поэзии Серебряного века: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Т.Л. Чаплыгина. – Иваново, 2007. – 16 с.
  20. Эйхенбаум Б.М. Анна Ахматова. Опыт анализа / Б.М. Эйхенбаум // О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969. – С. 75-148.
  21. Якубович Д.П. Иностранные влияния и заимствования у Пушкина [Электронный ресурс] / Д.П. Якубович. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/put-abc/put/put-1548.htm>.

Анотація

Я.В. Галаган. Ахматовські традиції у творчості М.Д. Рахліної

Мета статті – показати важливий вплив, який справила ахматовська традиція на формування провідних тем і мотивів поезії Рахліної і художнього стилю автора в ранній період творчості, та охарактеризувати особливості втілення ахматовської традиції. Актуальність обраної теми обумовлена, насамперед, інтересом вітчизняного літературознавства до проблеми впливу

окремих поетів-класиків на творчість їх послідовників. У ході дослідження проаналізовано мотив нерозділеного кохання на матеріалі циклу Рахліної «Поєдинок». Також у статті робиться спроба виявити ряд подібностей на стилістичному рівні художньої структури ліричних творів досліджуваних авторів. Зроблено висновок, що співвіднесеність творів Рахліної з творчістю Ахматової також проявляється в спільності ціннісних пріоритетів і світоглядних позицій. Відзначається, що установка на максимальну щирість, прагнення до прозаїзації вірша і зображення реалій повсякденного побуту в рівній мірі притаманні обом поетичним системам авторів.

Ключові слова: лірика, вплив, традиція, стилістичний прийом, мотив.

Аннотация

Я.В. Галаган. Ахматовские традиции в творчестве М.Д. Рахлиной

Актуальность выбранной темы обусловлена, прежде всего, интересом отечественного литературоведения к проблеме влияния классической традиции на литературу XX века и отдельных поэтов-классиков на творчество их последователей. Цель статьи состоит в том, чтобы показать важность ахматовской традиции в формировании художественной системы Рахлиной в ранний период творчества и охарактеризовать особенности ее воплощения в лирике харьковской поэтессы. Нами отмечено, что соотносительность произведений Рахлиной с творчеством Ахматовой проявляется на разных уровнях поэтической системы. Ее можно усмотреть в общности ценностных приоритетов и мировоззренческих позиций, характерных тем и мотивов. В статье, в частности, охарактеризована тема творчества в лирике Рахлиной, проанализированы особенности представления мотива неразделенной любви, характерного и для ахматовского творчества, в цикле Рахлиной «Поєдинок», предпринята попытка выявить и общность на стилистическом уровне художественной структуры лирических произведений исследуемых авторов. Близость к ахматовской стилистике проявляется у Рахлиной в использовании приемов редупликации, тавтологического повтора, подытоживающих концовок, синтаксиса «убежденного собеседника», а также намеренной незавершенности, «открытости» финала. Для поэтической системы харьковской поэтессы вслед за Ахматовой характерны установка на максимальную искренность, дневниковость, изображение реалій повседневно-го быта, стремление к прозаизации стиха.

Ключевые слова: лирика, влияние, традиция, стилистический прием, мотив.

Summary

Y.V. Galagan. Akhmatova's Tradition in M.D. Rahlina's Creative Works

The aim of the article is to show the importance of the impact that Akhmatova's tradition had on the formation of the leading themes and motifs of Rahlina's poetry and the author artistic style of the author in the early period of her creativity and characterize the features of embodiment of Akhmatova's tradition. The topicality of the chosen theme is determined, first of all, by the interest of domestic literary criticism to the problem of the individual classical poets' influence on the work of their followers. In the course of our study the motif of one-way love has been analyzed on the material of Rahlina's cycle "Duel". The article also seeks to identify a number of similarities on the stylistic level of the artistic structure of the studied authors' lyrical works. It was concluded that the correlation of Rahlina's works with the creativity of Akhmatova also appears in the community of their value priorities and worldview. It is marked that the aim at the maximum sincerity, the pursuit of down-to-earth approach to realities of everyday life are equally inherent in both authors' poetic systems.

Key words: poetry, influence, tradition, stylistic device, motif.

Інформація про автора

Галаган Яна Вікторівна: ORCID: 0000-0003-3522-1375; аспірантка кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Блюхера, 2, м. Харків, 61168, Україна